

П И С Ь М Е Ц О

Агафья Болотова, худая, жилистая старуха, готовилась ко сну. Она сидела на растеленной уже постели и заплетала жидкую косицу, уставя в ночь невидящие, бесцветные старческие глаза.

В ночи было темно, душно и муторно, как на душе у Агафьи. Размороенное собственным ядовитым зноем, замерло на изломе лето от Рождества Христова 1920-е.

Агафья Болотова-войны не понимала и не любила. Семья Болотовых была крапкая, и старый порядок Агафью вполне устраивал. Войма наматывалась в ее сознании тяжелой цепью тревожных дней, далеких ночных пожаров и покраденных кур.

Однако ее — как и всегда, впрочем, — никто не спросил, что ей, глупой бабе, нравится, а что нет. Второй год катилась по степи, как свора драчливых разномастных кобелей, белые, красные, черные, зеленые — все грызлись, все чего-то не могли поделить. Говорили — Россию...

...Старухе Болотовой в этом дележе выпал кревавый кусок. Когда всех мужиков погнали воевать, муж ее и старший сын ушли в лес, за гиблое болото. Три месяца не было о них ни слуху, ни духу, а на четвертый, партизанивший вместе с ними кум Тарас привез обоих на телеге в село, Бороды у мужа и сына лежали на грязных белых рубахах. Бритые после тифа, синие их черепа были одинаково, намскось, развалены лихим сабельным ударом. Агафья набрала в грудь воздуха, чтобы закричать, но не крикнула — повернулась и пошла, тихо, прямо, будто под венец.

Никто не знает, что с ней случилось, но младшего своего, семнадцатилетнего Степку, стала она с того дня запира́ть в хате на ржавый английский замок. Всю работу по хозяйству

делала сама, сына же на двор без особой надобности не выносила, а, когда в село входили люди с оружием, прятала его в погребе, который сама вырыла ночью за сараемской. Людей Агафья стала сторониться; на все разговоры о войне отвечала только: "Россия большая, всем хватит," — и отходила прочь.

Добрый и дурашливый, как теленок, Степка неделю две посидел у окна, поглядел в рыжие степные дали и ушел в Красную Армию. Ни коня, ни харчей на дорогу Агафья ему не дала. Провела молча до ворот и плюнула вслед.

Соседки это прощание подглядели и разнесли по селу, что Болотова с горя в уме решилась...

Агафья и впрямь стала плоха: набрякла тяжелой бурой кровью, зубы почти все выпали, а на ногах вздулись толстые, как гадюки, черные жилы.

Старуха Болотова пробормотала молитву, заменяя забытые и непонятные слова близкими на слух сочетаниями звуков, поспрыскала пальцы, потушила свечку, укуталась в душное лоскутное одеяло и затихла. Тонкие ее веки с синеватыми прожилками медленно опустились.

И приснился Агафье сон: будто получила она от Степки письмецо. Сидит она на лавочке у крыльца, солнышко совсем по-вечернему светит, тихо кругом — все в поле ушли. Рядом сидит грамотный жидок Яшка и письмо ей читает. И вот что в письме написано:

"Здравствуйте, уважаемая и любимая мамаша Агафья Захарьевна! Низкий вам поклон от вашего младшего сына Степама. Об себе сообщаю, что я был геройски убитый при городе Ровно в бою с проклятыми белыми бандитами и теперь живу в Раю, то есть в Царствии Небесном.

Поначалу, когда меня только порубали при городе Ровно, я память потерял, а потом очухался уже в небесах. Лечу я в небе, будто божья птица, лечу и подлетаю к вратам Рая. Красивые ворота, высокие, а из-за их музыка играет и пахнет хорошо.

Встретил меня сам апостол Петр в белой одежде и с ключами. "Здравствуй, — говорит, — Степа, — и руку мне подает. — Погиб ты за правое дело, и мы тебя берем на вечные времена в Царствие Небесное". И открыл самым большим ключом ворота.

Вошел я в сени. Сени в Раю не то, что у нас... просторнее, - пол не земляной, а тесовый, по стенам лавки широкие, в углу - образ в золотой ризе, - так и сияет. "Нравится?" - спрашивает Петр. "Нравится, - говорю, - батюшка апостол Петр." "Дальше - говорит - еще лучше будет. Ангелы тебя проведут. Иди с Богом."

Тут слетели ко мне два божьих ангела и повели в баньку. Банька здесь даже лучше, чем у Дарьи на мельнице, и мыла дают сколько нужно. Тоже и белье дали взамен старого, чистое и крепкое.

После уложили меня ангелы отдыхать, а сами песню завели. Голоса у их такие чистые, звонкие - ровно у певчих в Никольской церкви ^{х)}. Так я под песни и заснул.

С утра повели меня Рай осматривать. Огромный в Раю сад, дорогая мама Агафья Захарьевна. Еле-еле все до полдня обошли. Красота здесь неопишуемая. - Кругом трава зеленая, немятая, потому как никакая скотина на ей не пасется и не гадит. Рядками яблони стоят. Чудные такие яблони: одними еще в цвету - это от их запах хороший идет, а на других уже яблоки поспевают. Между яблонями сделаны ровненькие тропочки, - и по ним праведные душевочки гуляют. Музыка тихонько так играет, а они идут себе по тропочкам. Кое яблоко кушает, кто разговоры разговаривает, а кто так просто кругом любит.

Видал я там покойного нашего дьякона Прокопия, и маленькую баранову дочку, что прошлой зимой казаки зарезали, и даже старого царя с царицей под ручку.

После отвели меня к главному садовнику и определили на работу. Так что теперь, милая мама, ухаживаю я за яблоньками и живется мне очень замечательно. Каждую субботу хожу в баньку, а по воскресеньям отдыхаю целый день. Работы, спать же, не муторная. Да и хозяин добрый. Почитай, что и не бьет никогда. Разве за дело даст разок по морде. Так я другую щеку подставляю, как положено по Писанию, - он и отойдет. Есть мне ничего не дают, но это мне теперь без надобности. Тело-то мое грешное, которое жрать хочет, на

х) образовано не от "церковь", а от "церква".

земле осталось... Если только яблочко когда пожую. Та же самое и девки в Раю только для приятного разговора, а много чего тут никак невозможно.

... Кончу работу — иду посмотреть, как господа гуляют. Так-то все тихо, благородно: хмельного никакого нет, никто не лается, а гуляют все по тропочкам и разговаривают или песни поют. Сяду я где-нибудь под кустиком, погляжу на это, и так мне хорошо делается, что плачу иногда, как малое дитя.

А с ружьями или с саблями в Рай-ликого не пускают. Даже емералн без оружия ходят. При фуражке и мундире, только без оружия.

.. Уважаемая мамаша, Агафья Захарьевна, как ваше здоровье? Пришлите мне, как сможете, весточку: в Рай, Степану-Егоровичу Болотову. Уродила ли этот год картошка? Держится ли еще наша хатка? А-то крыльцо совсем покосилось, так вы попросите кума Тараса поправить, а ему за то желтую курку посулите. Очень по вам скучаю, милая мама, и жду к себе, хоть это и большой мой грех. Заживем мы с вами при яблоньках, как у Господа Бога за пазухой. А что коня мне не дали, так я за то не серчаю. Конечно, конь — скотина в хозяйстве необходимая.

До свидания, родная моя мама Агафья Захарьевна. Остаюсь ваш сын Степа..".

Агафья улыбалась во сне. Лице ее было спокойно и радостно; из беззубого рта потянулась через подбородок блестящая дорожка слюны. Тут что-то разбудило ее. Агафья открыла глаза: в степи сухо-трещали выстрелы.

Старуха боком сползла с лежанки и торопливо, боясь выронить из метвердой памяти только что виденный сон, заковыляла на затекших ногах к иконе. По дороге не удержалась и тяжело упала на колени. Подниматься она не стала: давась подступившими слезами, начала горячо и истово молиться.

Выстрелы и ржание коней раздались ближе. Уже по всему селу длинно и стчаянно орали петухи...

... Но Агафья ничего не слышала. Она крестилась, крепко вжимая сложенные щепотью пальцы в лоб, в плечи, в живот, и уже расцарапала кожу на лбу; и кровь ручейками разбежалась по глубоким морщинам...

Слово за-словом-полз и загопченному потолку жаркий ее ще-
пот: "Господи, смилуйся-над грешником! Отец наш, приведи
сбыться... Смилуйся, Господи!..."

Несколько-пуль-глуко-стукнулись в стену, и совсем ря-
дом дико и яростно закричал человек.

На осклище разгорался бой.
